
*Мы боимся не самой смерти, мы боимся,
что никто не заметит нашего отсутствия,
что мы исчезнем, не оставив следа.*

@ Томас Стернз Элиот

ГЛАВА 1

Перл, 1983 год

Время все расставляет по своим местам. Когда-то я была красивой, привлекала внимание и собирала восхищенные взгляды, а теперь не выделяюсь даже среди своих сверстников.

Попадись я вам на глаза где-то на людях, в аптеке или в приемной во время одного из многочисленных походов к врачу, вы не обратили бы на меня ни малейшего внимания. А если бы даже и заметили, то подумали бы, что я просто милая седовласая бабуля или, если вы человек злобный, старая карга, которая прожила слишком долго. И стоит одной ногой в могиле.

В обоих случаях вы будете правы.

Если взглянуть на краткое описание моей жизни, то ничего необычного в ней не найдешь. Оно звучало бы примерно так: Перл родилась в тысяча восемьсот девяносто девятом году в семье верхней прослойки среднего класса в маленьком городке

в штате Висконсин, вторая из семи дочерей; вышла замуж молодой и родила одного сына. В сорок лет, после смерти мужа, ветерана Первой мировой войны, овдовела и больше замуж не выходила. Затем последовала череда офисных работ, ничем не примечательных, но благодаря удачным инвестициям на фондовом рынке она накопила достаточно средств, чтобы построить хорошее гнездо. Когда ее отец скончался, она вернулась в дом своего детства и провела там большую часть своих преклонных лет, пока слабое здоровье не вынудило ее отправиться в дом престарелых.

В таком изложении история моей жизни кажется неинтересной и однообразной. Наверное, в какой-то степени так оно и было. Честно говоря, я планировала большее. Собиралась путешествовать по миру и переживать большие приключения. Что ж, не вышло.

Старость подкрадывается незаметно. Люди смотрят на тебя иначе. Видят тебя слабой, называют хрупкой и бросаются к тебе, чтобы помочь перешагнуть через бордюры и тому подобное. Другие видят в тебе проблему просто потому, что ты существуешь. Я понимаю это и не обижусь, если вы зададитесь вопросом, почему Бог забирает молодых и оставляет стариков вроде меня. Я и сама часто задавалась этим вопросом. Мое тело уже давно изнашивается и теперь держится на соплях да на проволочке, кости скрипят, суставы ноют при каждом движении.

Были в моей жизни и сожаления, много сожалений. Как-то ночью, лежа в постели, я осознала, что хотя бы раз нарушила каждую из десяти заповедей. Эта мысль меня ужаснула, но хуже всего было то, что с этим уже ничего не поделаешь. Что сделано, то сделано. Нельзя вернуть время вспять. Поверьте, выпади мне такой шанс, я бы многое изменила.

Я стала молиться каждый день, чего раньше никогда не делала. Страх — вот что мною движет. Я не хочу попасть в ад, если такое место вообще существует. И знаю, что у меня нет шансов попасть в рай. Эти мысли не давали мне покоя.

Можно подумать, что после стольких лет я должна была стать мудрой, как старая сова, но все как раз наоборот. Чем больше я узнаю, тем меньше понимаю и тем больше сомнений меня одолевает. Может быть, так и должно быть: загробная жизнь — тайна, известная только Богу.

Знаю одно. Я единственная, кто знает правду о последних минутах жизни Элис Луизы Беннет. Это моя сестра, и она была всего на восемнадцать месяцев старше меня. Мы были разными, как ночное небо и утренний восход солнца. Мой отец называл ее Элли-птичка, потому что она пела как соловей. Она любила всех в нашей семье, но я всегда считала себя ее любимицей. Она была лучшей из всех нас.

Должна быть причина, почему я еще жива. В последнее время меня все чаще посещает мысль, что мне, возможно, сначала нужно обрести искупле-

ние. С этой целью я пытаюсь изменить себя, исправить свои ошибки и тот урон, что нанесла. И когда придет мое время встретиться с Создателем и он скажет: «Перл, что ты можешь сказать о себе?», — я смогу ответить ему, что в конце пути пыталась, старалась. Лучше поздно, чем никогда. Усилия должны иметь значение.

Элис умерла в прекрасном возрасте девятнадцати лет. Она прожила бы гораздо дольше, если бы не я и моя глупая гордость. Ее смерть была огромной утратой.

После того как она покинула эту бrenную землю, ничто уже не было прежним.

Я скучаю по ней до сих пор.

ГЛАВА 2

1983 год

Джо был на групповой терапии в центре психиатрического лечения «Трендейл», когда ему сообщили, что кто-то пришел выписать его и он скоро покинет сие учреждение. Вот так неожиданность. Буквально утром доктор Дженсен, очень добрый, с серьезным лицом сказал ему, что он еще не готов к выписке:

— По моему профессиональному мнению, вы по-прежнему нуждаетесь в серьезной помощи, которую вам могут оказать только здесь.

— По закону я совершеннолетний, — ответил ему Джо. — Я могу сам выписаться, так?

В этом был смысл. Ему было двадцать два года, и он мог голосовать, пить и водить машину. Значит, он наверняка имеет и право принимать решения о своем здоровье.

Доктор Дженсен покачал головой:

— Нет, если вы считаетесь опасным для себя или окружающих.

— Но это не так. В смысле, я не опасен. — Смехотворно, что его здравомыслие ставилось под вопрос. Джо не принимал наркотики и не злоупотреблял алкоголем. Он никогда не ловил галлюцинаций. Конечно, последние два ночных кошмара были необычайно жестокими, но сам он не был склонен к насилию. Даже в детстве он избегал драк на школьном дворе.

— Я понимаю, что вы так считаете, но на самом деле решать мне. — Доктор дружески похлопал его по плечу. — Знаю, что это трудно, но мы справимся, Джо. Терпение, сынок, терпение.

Унизительные слова, призванные ободрить. Формально Джо находился не в тюрьме, но чувствовал себя именно так. Двери были заперты; персонал читал его почту, как входящую, так и исходящую, и прослушивал его телефонные разговоры. Много раз он жалел о том, что доверился отцу. Это было ошибкой. Отец рассказал мачехе, и она обезумела от беспокойства. Честно говоря, у нее имелись на то причины. Не раз он будил по ночам всю семью своими криками. Через какое-то время отход ко сну стал вызывать у него тревогу, поэтому он начал засиживаться допоздна, выпивая несколько бутылок пива в надежде, что это приглушит сны. Даже парни на работе заметили, что по утрам он приходил на стройку уставший и с мешками под глазами. Хуже всего было в ту ночь, когда он, бродя во сне,

вошел в комнату своей сестры, разбудил ее и пробормотал что-то, чем сильно напугал ее. Осознание того, что он это сделал, пугало его самого не меньше, чем остальных членов семьи.

На тот момент он прожил с семьей всего месяц, переехав к ним, когда его арендодатель продал здание застройщику под кондоминиумы. Джо не собирался оставаться дольше месяца или двух, лишь на время, пока не найдет другую квартиру. И так бы все и закончилось, если бы не сны и страхи его мачехи.

А потом его отвезли на север штата Висконсин и поместили в лечебный центр, на что он неохотно согласился, просто чтобы успокоить их. Люди в белых халатах обещали ему помочь, но за три месяца он получил лишь множество таблеток да разговоров. Таблетки хотя бы помогали приглушить кошмары, но на самом деле не были решением проблемы. Он готов был назвать себя настолько излечившимся, насколько это вообще возможно, и отправиться домой, чтобы разобраться с этим самостоятельно, но каждый раз, стоило поднять эту тему, доктор Дженсен говорил, что он еще не готов.

— Ты закрылся, Джо. Если хочешь, чтобы мы помогли, то должен открыться.

Узнать, что он может выйти из «Трендейла» в тот же день, было все равно что услышать, что губернатор неожиданно помиловал его.

Когда это случилось, он с еще семью людьми сидел на расставленных по кругу жестких пласти-

ковых стульях. В другом конце комнаты работал телевизор, оставленный предыдущей группой под названием «Текущие события»: после просмотра пятичасовых новостей они уходили их обсуждать. Группа Джо называлась «Открытая дискуссия», а тему обычно выбирал ведущий сеанс сотрудник центра.

Изображения на экране телевизора отвлекали Джо. Даже без звука он знал слова из рекламы «Сони Уолкман» наизусть и мысленно проговаривал их: «„Сони“ представляет единственный в своем роде кассетный плеер размером с футляр для кассет. Невероятный звук от „Сони Уолкман!“» Баннер в нижней части экрана гласил: «В продаже уже в сентябре!» Новинка выглядела круто, но он не собирался заменять ею тот, что лежал у него в комнате. Он взял с собой только несколько кассет, не предполагая, что пробудет здесь так долго: «Джоан Джетт и Зе Блэкхартс», «Флитвуд Мак», «Холл энд Оутс»¹. До приезда в «Трендейл» он слушал свой плеер каждый день, но здесь его убеждали, что он использует его как буфер, чтобы уйти от реальной жизни. Он скучал по музыке, которая была с ним постоянно.

В центре психиатрической терапии «Трендейл» свято верили в расписание, которому был подчинен весь день Джо с момента пробуждения и до самой

¹ Joan Jett & the Blackhearts, Fleetwood Mac, Hall and Oates — музыкальные рок-группы.

ночи. Сон по расписанию, питание по расписанию, физические упражнения и, конечно же, сеансы терапии. Он посещал множество терапевтических сессий, а также регулярные встречи один на один с доктором Дженсеном. А между ними музыкальные и арт-занятия.

Персонал, похоже, верил, что их терапия в сочетании с правильными лекарствами может вылечить любого. Джо оказался для них крепким орешком, но они заверили его, что не собираются сдаваться.

Джо старался, по-настоящему старался. Он подробно рассказывал о каждом событии в своей жизни, уделяя особое внимание смерти матери и повторному браку отца, поскольку доктор Дженсен считал, что тревожные образы, которые приходили к нему по ночам, были следствием детской травмы. Хотя ни то, что его мать погибла в автокатастрофе, когда он был маленьким, ни то, что отец снова женился, когда он учился в первом классе, по правде говоря, не показалось ему слишком травмирующим. Во время аварии он находился дома с отцом и совсем не помнил мать.

Вскоре после ее смерти они с отцом переехали к доброй и заботливой тете Бетси. В этом тоже не было ничего травмирующего. Они прожили у нее два года, пока отец не встретил мачеху и не женился на ней. Джо хорошо приспособился к новой семейной ситуации. Помогло то, что мачеха была милой женщиной, которая любила его отца, заботилась о Джо и хорошо готовила. А когда она